

ДОКТРИНА ЭСТОППЕЛЬ В ПРАВЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассматривается процесс рецепции доктрины эстоппель в правовых системах Республики Беларусь и Российской Федерации. Анализируются теоретические подходы к пониманию эстоппеля таких ученых как Я. И. Функ, С. В. Садовников, А. Г. Карапетов и С. Ю. Сычев и др. Исследуется законодательное закрепление принципа и практика его применения экономическими судами. Выявляются основные проблемы правоприменения: коллизия материального и процессуального эстоппеля в делах о банкротстве, сложность разграничения норм Гражданского кодекса Российской Федерации, а также «имплицитное» применение доктрины белорусскими судами. Делается вывод о конвергенции подходов и необходимости выработки унифицированных критериев применения принципа.

The article examines the process of reception of the estoppel doctrine into the legal systems of the Republic of Belarus and the Russian Federation. Theoretical approaches to understanding estoppel by scholars such as Y. I. Funk, S. Sadvnikov, A. G. Karapetov and S. Y. Sychev are analyzed. The legislative consolidation of the principle and the practice of its application by economic courts are studied. The main problems of law enforcement are identified: the conflict between material and procedural estoppel in bankruptcy cases, the difficulty of distinguishing between the norms of the Civil Code of the Russian Federation, as well as the “implicit” application of the doctrine by Belarusian courts. The conclusion is drawn about the convergence of approaches and the need to develop unified criteria for the application of the principle.

Ключевые слова: эстоппель; принцип добросовестности; запрет противоречивого поведения; материальный эстоппель; процессуальный эстоппель; банкротство; судебная практика; правоприменительные проблемы.

Key words: estoppel; principle of good faith; prohibition of inconsistent behavior; material estoppel; procedural estoppel; bankruptcy; judicial practice; law enforcement problems.

Глобализация экономических отношений влечет за собой гармонизацию правовых систем. Одним из ярких примеров заимствования является доктрина эстоппель (estoppel), берущая начало в англосаксонском праве. В самом общем виде эстоппель представляет собой запрет на противоречивое поведение, лишаящий сторону права ссылаться на определенные факты или обстоятельства, если это противоречит ее предшествующему поведению, на которое добросовестно полагалась другая сторона.

Цель данной работы – провести сравнительный анализ теоретических воззрений на эстоппель, оценить степень его имплементации в законодательство и правоприменительную практику Беларуси и России, а также выявить основные проблемы, возникающие при применении данного принципа.

Теоретические подходы к пониманию эстоппеля отличаются определенной сложностью, анализ научной литературы показывает отсутствие единого подхода к определению его правовой природы. Так, белорусские исследователи рассматривают эстоппель преимущественно через призму принципа добросовестности. Я. И. Функ и А. Я. Чигилейчик-Функ обосновывают, что эстоппель является прямой проекцией морально-этических норм в правовую систему, реализуемой через ст. 2 и ст. 9 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь). Они рассматривают его как эффективный механизм защиты от злоупотреблений, подчеркивая его оценочный характер и зависимость от судебного усмотрения [1, с. 339–340, 342].

В свою очередь, С. В. Садовников, анализируя применение эстоппеля в делах о банкротстве, предлагает четкое разграничение его видов. Он определяет материальный эстоппель как институт договорного права, защищающий интересы сторон сделки, и процессуальный эстоппель – как инструмент пресечения недобросовестного процессуального поведения (изменение позиции, немотивированные возражения), направленный на обеспечение стабильности судопроизводства [2, с. 80–81].

Л. В. Царёва и А. А. Купрейчик на основе сравнительно-правового анализа выделяют в моделях закрепления принципа добросовестности общегражданский принцип, принцип обязательственного (договорного) права, специальные нормы в рамках отдельных институтов договорного права и отсутствие закрепления в писаном источнике, отмечая при этом, что эффективность применения данного принципа зависит не от модели закрепления самой по себе, а от «судебного активизма» [3, с. 105–106].

Российская доктрина также неоднородна. С. Ю. Сычев критикует фрагментарную рецепцию английской модели, которая привела к появлению в Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК Российской Федерации) множества «частных эстоппелей» (пункт 5 ст. 166, пункт 2 ст. 431.1, пункт 3 ст. 432 и др.). Ученый указывает на возникающие в связи с этим коллизии и дублирование норм, призывая к осмысленной адаптации института, а не к механическому копированию [4, с. 335–336]. В противовес этому Е. П. Новикова приветствует внедрение эстоппеля как необходимого инструмента борьбы с процессуальными злоупотреблениями и подчеркивает его тесную связь с принципом добросовестности, закрепленным в пункте 3 ст. 1 ГК Российской Федерации [4, с. 48–49].

Можно заметить, если белорусские авторы видят в эстоппеле прежде всего инструмент для реализации принципа добросовестности в условиях его прямого нормативного закрепления, то российские исследователи сосредоточены на проблемах юридической техники и коллизионности воспринятых норм, отмечая их «лоскутный» характер.

Законодательное закрепление и нормативная основа в Беларуси и России также имеет различия. В Российской Федерации принцип эстоппель получил прямое нормативное закрепление в ГК Российской Федерации (в редакции 2013–2014 гг.). Ключевыми нормами являются: пункт 5 ст. 166 (недопустимость оспаривания сделки при недобросовестном поведении), пункт 3 ст. 432 (запрет требовать признания договора незаключенным при подтверждении его действия), пункт 2 ст. 431.1 (ограничения для оспаривания предпринимательских договоров), пункт 5 ст. 450.1 (утрата права на отказ от договора при подтверждении его действия). Кроме того, процессуальный аспект эстоппеля вытекает из принципа состязательности и добросовестности, закрепленных в ст. 9, ст. 41, ст. 65 (АПК) Российской Федерации, и сформулирован в судебной практике Верховного Суда Российской Федерации.

В законодательстве Республики Беларусь термин «эстоппель» отсутствует, а его роль выполняют нормы ГК и Кодекса гражданского судопроизводства (далее – КГС) (до 1 января 2026 г. – нормы Хозяйственного процессуального кодекса (далее – ХПК)), основанные на принципе добросовестности. К ним относятся: пункт 4 ст. 167, пункт 2 ст. 401¹, пункт 3 ст. 402 ГК Республики Беларусь, а также относились: ч. 7 ст. 14, ч. 1 ст. 16, ч. 3 ст. 186 ХПК, реализующие запрет противоречивого поведения в хозяйственном (арбитражном) процессе. В настоящее время в судах общей юрисдикции аналогичную функцию выполняют нормы КГС, в частности ст. 20 (принцип добросовестности лиц, участвующих в деле) и ст. 110 (обязанность доказывания), которые служат основой для пресечения недобросовестного процессуального поведения. Как отмечает С. В. Садовников, с вступлением в силу с 19 ноября 2024 г. новой редакции ГК Республики Беларусь принцип добросовестности и, как следствие, эстоппель, получили дополнительное развитие в нормах о переговорах (ст. 404¹), об отказе от договора (ст. 420¹) и др. [2, с. 80]. Таким образом, Беларусь идет по пути имплицитного закрепления эстоппеля через общие положения о добросовестности, тогда как Россия выбрала путь эксплицитного включения конкретных составов в текст закона.

Анализ судебной практики позволяет выявить ряд проблем:

1. Соотношение материального и процессуального эстоппеля в банкротстве. С. В. Садовников на примере российского дела (определение ВС Российской Федерации № 305-ЭС17-15339) и белорусской практики убедительно доказывает, что в делах о банкротстве правила материального эстоппеля не применяются к оспариванию сделок должника. Интересы кредиторов как третьих лиц имеют приоритет перед запретом на противоречивое поведение стороны сделки (должника). В то же время процессуальный эстоппель в банкротстве активно используется для пресечения непоследовательного поведения кредиторов (например, изменение позиции относительно наличия признаков банкротства или согласования с отчетом управляющего) [2, с. 80–81].

2. Коллизия и дублирование норм в ГК Российской Федерации. С. Ю. Сычев указывает на неопределенность в разграничении сфер действия пункта 2 и пункта 5 ст. 166 ГК Российской Федерации, которые во многом дублируют друг друга. Он также обращает внимание на то, что пункт 5 ст. 450.1 ГК Российской Федерации может трактоваться тройко: как эстоппель, как односторонняя сделка (отказ от права) и как срок для реализации права. Это создает почву для судебных ошибок и злоупотреблений [4, с. 335]. Российские суды, сталкиваясь с этими коллизиями, зачастую ссылаются на обе нормы сразу, чтобы минимизировать риск отмены решения.

3. «ИмPLICITное» применение эстоппеля в Беларуси. Как отмечают все белорусские авторы, суды Республики Беларусь применяют правила, аналогичные эстоппелю, но без прямой ссылки на доктрину. С. В. Садовников приводит примеры из практики Верховного Суда и экономических судов, где возражения кредиторов, заявленные только на финальной стадии процесса или противоречащие их предшествующему поведению (например, пассивное одобрение действий управляющего), отклонялись на основе принципа добросовестности [2, с. 83]. В практике судов общей юрисдикции аналогичный подход реализуется через применение ст. 20 КГС, которая обязывает лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами. Проблема здесь заключается в отсутствии единообразия и предсказуемости: применение принципа сильно зависит от усмотрения конкретного судьи, что повышает риски для участников процесса.

Проведенный анализ демонстрирует, что, несмотря на разную степень формализации, доктрина эстоппеля активно внедряется в правовые системы Беларуси и России как необходимый инструмент поддержания добросовестности и стабильности гражданского оборота. Теоретические подходы затрагивают вопросы признания его проекцией морали, деления на виды, характеристики моделей закрепления и критику фрагментарной рецепции. Основные проблемы связаны с коллизией норм в российском праве и импlicitным, непредсказуемым характером применения в белорусском праве. Решение видится не в механическом заимствовании новых видов эстоппеля, а в выработке высшими судебными инстанциями четких критериев его применения, основанных на едином понимании принципа добросовестности, что будет способствовать унификации практики и повышению защищенности участников гражданского оборота.

Список использованной литературы

1. **Функ, Я. И.** Реализация принципа эстоппель в праве Республики Беларусь (о новых возможностях для защиты интересов физических и юридических лиц, в том числе в суде, через «применения норм морали», в рамках правовой системы Республики Беларусь) / Я. И. Функ, А. Я. Чигилейчик-Функ // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы Междунар. круглого стола, Минск, Беларусь, 24 окт. 2023 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. хозяйственного права ; редкол.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.), А. В. Гавриленко, Т. М. Халецкая. – Мн. : БГУ, 2023. – С. 339–345.

2. **Садовников, С.** Эстоппель в ходе урегулирования неплатежеспособности / С. Садовников // Судовы веснік. – 2025. – № 1. – С. 79–84.

3. **Царёва, Л. В.** Добросовестность в договорном праве: от общего к частному и от частного к общему // Л. В. Царёва, А. А. Купрейчик // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2023. – С. 99–107.

4. **Сычев, С. Ю.** Проблемы внедрения в систему российского права эстоппеля / С. Ю. Сычев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – Т. 10. – № 2. – С. 332–337.

5. **Новикова, Е. П.** Принцип «эстоппель» в российском праве: понятие, особенности использования в правоприменительной практике / Е. П. Новикова // Правовое регулирование экономической деятельности. – 2022. – № 1. – С. 45–51.